

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.39.17>

СТРУКТУРА КАТЕГОРИИ «ОБРАЗ АВТОРА» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Научная статья

Дегтярева А.Н.^{1,*}

¹ Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (degtarevaa8[at]gmail.com)

Аннотация

Данная статья посвящена изучению категории «образ автора» и описанию методологии ее исследования. Результаты анализа позволяют прийти к выводу, что рассмотрение указанной категории должно включать два уровня: изучение интенционального образа автора и исследование перцептивного образа автора. Различия между обозначенными аспектами данной категории вызваны деформацией смыслов, закладываемых создателем текста, в процессе их декодирования читателем. Данный факт свидетельствует о том, что смысл необходимо рассматривать как компоненту категории «образ автора», которую необходимо учитывать при описании названной категории. В статье использовался когнитивно-дискурсивный анализ с опорой на антропоцентрический подход в рассмотрении языковых фактов.

Ключевые слова: категория образ автора, перцептивный образ автора, интенциональный образ автора, имплицитный смысл, экспликация смысла.

THE STRUCTURE OF THE CATEGORY «IMAGE OF AUTHOR» IN ARTISTIC DISCOURSE

Research article

Degtyareva A.N.^{1,*}

¹ The Kosygin State University of Russia, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author (degtarevaa8[at]gmail.com)

Abstract

This article is devoted to the study of the category "image of author" and the formation of a methodology for its study. The results of the study allow us to conclude that the analysis of image of author should include two levels: the study of the intentional image of the author and the study of the perceptual image of the author. The differences between the designated aspects of this category are caused by the deformation of the sense laid down by the writer in the process of their decoding by the reader. This fact indicates that the sense must be considered as a component of the category "image of author", which must be taken into account when describing the named category. Cognitive-discursive analysis and anthropocentric approach to the consideration of linguistic facts were used in the article.

Keywords: image of the author, perceptual image of the author, intentional image of the author, implicit sense, explication of sense.

Введение

Представления о двухчастной организации высказывания – объективного и субъективного содержания, диктума и модуса, а также развитие мысли о том, что в текст, кроме информации об объективной действительности, различными способами вводятся сведения о субъекте, создающем текст, способствовали росту интереса к фигуре автора [19, С. 17].

Образ автора как объект изучения весьма сложен, так как он частично расположен в области, недоступной лингвисту (в сознании субъектов, порождающих и воспринимающих текст), и находится в процессе постоянного развития.

Поэтому важно исследовать историю изучения данной категории в филологии, систематизировать существующие определения, выявить средства выражения образа автора на лингвистическом уровне, определить специфику отражения образа автора в художественных текстах, изучить имплицитную составляющую образа автора – смыслы, именно этим задачам и посвящена данная статья.

Цель – охарактеризовать структуру категории «образ автора» и сформулировать и методологию ее исследования.

В статье использовался когнитивно-дискурсивный анализ с опорой на антропоцентрический подход в рассмотрении языковых фактов.

Основные результаты

2.1. Становление категории «образ автора» в научных исследованиях

Восприятие автора в научной литературе разных периодов было неоднозначным. Н. Д. Тамарченко выделяет три этапа в толковании категории автора: первый характеризуется неразличением автора и исполнителя (античность и средневековье), второй связан с концепцией гения, уподобляющей автора Богу-творцу (преромантизм и романтизм), третий этап определяется идеей «имманентного» авторства, т. е. возможностью и необходимостью читательской и исследовательской реконструкции «организующей художественной воли» (классический реализм и постреалистические направления конца XIX-XX вв.) [26, С. 13].

К предложенной исследователем периодизации можно добавить четвертый этап, связанный с концепцией «смерти автора» Р. Барта, согласно которой текстовое пространство фокусируется не в авторском, а в читательском сознании [4, С. 233-236].

Говоря об отражении писательской концепции в тексте, обычно используют термин «образ автора». Концепция «образа автора» была разработана и теоретически обоснована В. В. Виноградовым, по его мнению, «Образ автора – это индивидуальная словесно-речевая структура, пронизывающая строй художественного произведения и определяющая взаимосвязь и взаимодействие всех его элементов» [10, С. 151-152].

Подобное восприятие субъекта, создающего текст, можно найти и у М. М. Бахтина, который писал, что «человек – организующий формально-содержательный центр художественного видения» [5, С. 172]. Кроме того, по мнению ученого, любое высказывание имеет определенную форму автора и адресата [5, С. 370].

В работе «Проблема автора» М. М. Бахтин расширяет данный вопрос и рассуждает о том, как автор выглядит в сознании читателя. Согласно точке зрения исследователя, читатель в процессе восприятия произведения осуществляет «вторичный творческий акт», результатом которого становится новый образ автора, отличный от исходного [5, С. 192].

Развитие данных представлений можно найти в работах И. И. Баклановой: исследуя специфику отражения автора в мемуарах, она пишет об «интенциональном» и «перцептивном» образах автора. Писатель иногда стремится произвести на читателя определенное впечатление и создать в его сознании конкретный образ, который И. И. Бакланова и определяет, как «интенциональный». Интенциональный образ автора ученый противопоставляет перцептивному, который на самом деле отражается в читательском сознании и не всегда совпадает с исходным, интенциональным [3, С. 136-137].

Уровень совпадения интенционального и перцептивного образов автора, по мнению И. И. Баклановой, определяет степень правдивости мемуарного текста. Если между двумя этими образами будут наблюдаться сильные противоречия, у читателя не возникнет должного доверия к автору [3, С. 138].

О влиянии читателя на литературный процесс писал и А. И. Белецкий: «Без истории русского читателя она [история русской литературы] не имеет под ногами почвы: она однобока, она неизбежно будет давать выводы, высказанные наполовину, какую бы точностью они ни отличались в первой своей части, а без этой второй половины мы ни для одного из её моментов не можем получить никакого итога» [6].

Ученый выделял четыре ступени развития читателя:

- 1) воображаемый читатель, присутствующий в сознании автора и отраженный в его творчестве;
- 2) читатель-поклонник, пассивно впитывающий текст;
- 3) читатель-потомок, навязывающий свое восприятие авторского текста;
- 4) читатель-автор, создающий на основе прочитанного свои тексты [6].

Изучение образа воображаемых читателей, по мнению А. И. Белецкого, могло бы помочь в понимании авторских приемов, так как целью художественного произведения является воздействие на предполагаемого адресата, которым и является воображаемый читатель [6]. То есть анализ образа воображаемых читателей, отраженного в тексте, стоит считать одним из звеньев в реконструкции интенционального образа автора, о котором писала И. И. Бакланова.

Исследование восприятия текста реальными читателями, представленными на второй, третьей и четвертой ступенях в приведенной выше классификации, согласно точке зрения А. И. Белецкого, тоже необходимо. Это связано с тем, что «произведение является художественным или нехудожественным, первостепенным или второстепенным лишь в сознании читающих; это они открывают в нём красоту, это они создают его “идею”, идею, о которой часто не подозревает пишущий» [6]. Анализ отражения того или иного текста в читательском сознании необходим для восстановления перцептивного образа автора.

Однако динамизм категории образа автора обусловлен не только отражением в читательском сознании, но и явлением интертекстуальности, особыми диалогическими отношениями, и ассоциативным взаимодействием, возникающими между текстами и элементами одного текста [20, С. 54].

И. А. Широкова, объединяя различные подходы к определению образа автора и выявляя основные формы выражения образа автора в тексте, пишет, что образ автора складывается из элементов смысла, в которых отражается авторская картина мира, его позиция, идея и проблематика произведения, а также прагматическая установка; данные смыслы выражаются в форме, характерной для идиостиля писателя [33, С. 104].

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что представления филологов об отражении автора в тексте дополнялись и изменялись с течением времени. Эволюции подверглись и взгляды исследователей на степень проявления авторского начала в текстах разных функциональных стилей. Например, И. Р. Гальперин, изучая текстовую модальность, в которой находит отражение личность автора, пишет, что «модальность в научных текстах можно определить как нулеву» [12, С. 115].

Однако С. Н. Переволочанская отмечает, что «современный научный дискурс (прежде всего в гуманитарной сфере) стремится в область «художественного», стирая грани между искусством, литературой и наукой» [24, С. 103]. Это способствует формированию нового типа научных текстов, в которых «образность, метафоризация на фоне общей безобразности научного текста становится своеобразным рекламным ходом индивидуально-авторского стиля» [24, С. 103], что говорит об увеличении интенсивности проявления авторского начала в научном тексте.

И. И. Бакланова, анализируя образ автора в мемуарах, пишет, что в подобных текстах образ автора тоже присутствует, но не явно, а имплицитно. Реконструировать его можно, основываясь на теории «точек зрения» Б. А. Успенского, через четыре источника: план оценки, план выбора языковых средств, план фактуальной информации и план психологии [3, С. 44].

Один из способов изучения образа автора связан с реконструкцией языковой личности субъекта, создающего текст. Термин «языковая личность» впервые был использован В. В. Виноградовым в книге «О художественной прозе», а в научный обиход он вошел благодаря Ю. Н. Караулову и его книге «Русский язык и языковая личность» [28, С. 1514].

В. В. Виноградов предлагал два пути изучения языковой личности:

- 1) историко-литературный через образ автора;
- 2) с опорой на анализ и воссоздание индивидуальной речевой структуры [17, С. 30].

Ю. Н. Караулов под языковой личностью понимал «совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), различающихся

- а) степенью структурно-языковой сложности,
- б) глубиной и точностью отражения действительности,
- в) определенной целевой направленностью» [17, С. 245].

Ученый писал о трехуровневой организации языковой личности и выделял вербально-семантический или структурно-системный (нулевой), лингвокогнитивный или тезаурусный (первый) и мотивационный (второй) уровни в ее структуре [17, С. 51].

При этом Ю. Н. Караулов отмечает, что языковая личность формируется относительно автономно на каждом из трех уровней, которые состоят из ряда типовых элементов: единиц соответствующего уровня, отношений между ними и стереотипных их объединений, особых, свойственных каждому уровню комплексов.

Г. И. Богин предложил несколько иную модель языковой личности, напоминающую кубик Рубика. В концепции ученого языковая личность состоит из трех аспектов, каждый из которых делится еще на несколько уровней. Первый аспект связан с устройством языковой системы и включает три уровня (фонетический, лексический, грамматический). Второй аспект основывается на видах речевой деятельности и содержит четыре уровня (говорение, аудирование, чтение, письмо). И наконец, третий аспект опирается на постепенное развитие языковой личности и предполагает деление на пять ступеней (правильности, интериоризации, насыщенности, адекватного выбора и адекватного синтеза) [7].

Современное учение о языковой личности активно развивается и на данный момент можно выделить несколько подходов к изучению этого явления.

Так, в основе лингводидактического подхода лежит представление о языковой личности, формирующейся в результате удовлетворения своих деятельностно-коммуникативных потребностей. Основной целью изучения языковой личности в лингводидактике является применение полученных знаний в методике обучения языку [28, С. 1515].

В лингвокогнитивном подходе языковая личность воспринимается как один из аспектов «человека говорящего», который является ключом к определенным знаниям и представлениям о мире, содержащимся в человеческом сознании [18, С. 151]. «Предметом психолингвистики выступает языковая личность, рассматриваемая в индивидуально-психологическом аспекте» [13, С. 4]. В лингвокультурологии под языковой личностью понимается человек, существующий в языковом пространстве (в общении, стереотипах языкового поведения и т.д.) и являющийся носителем языкового сознания и культуры, отраженной в языке [16, С. 7].

Ввиду развития концепции диалогической лингвистики [14] встал вопрос о необходимости изучения в этом аспекте и языковой личности.

Е. Н. Скубиева и Н. Н. Шпильная в своей статье разрабатывают модель изучения диалогической языковой личности с помощью гипотетико-дедуктивного метода, направленную на решение сложившегося в современной лингвистике противоречия, которое заключается в том, что, с одной стороны, традиционные модели языковой личности реконструируют её как создателя монологического высказывания, а с другой – реальной единицей коммуникации признаётся диалогическое высказывание, поскольку коммуникация осуществляется в форме диалога [29].

И. А. Широкова, размышляя о способах изучения образа автора пишет, что данная категория может быть выявлена на поверхностном и глубинном уровнях. На поверхностном уровне образ автора выражается эксплицитно и для его раскрытия не нужны фоновые знания, средствами вербализации в таком случае будут рамочные элементы текста (название, эпиграф, предисловие, послесловие и т. п.), лирические отступления, композиция, особенности отбора лексики, ключевые слова и т.д. На глубинном уровне изучение образа автора должно происходить через анализ темы, проблемы и идеи произведения. Для того чтобы данный анализ был наиболее полным, необходимо привлечение экстралингвистической информации [33, С.104-105].

Итак, в процессе анализа образа автора необходимо учитывать два аспекта названной категории – интенциональный и перцептивный образы автора. Писатель, создавая тот или иной текст, стремится передать читателю некий смысл, который и должен сформировать интенциональный (задуманный субъектом текстопорождения) образ автора. Однако в результате восприятия в читательском сознании может произойти деформация изначального смысла, которая приводит к формированию нового образа автора – перцептивного. Данный факт делает необходимым изучение структуры смысла как компоненты категории «образ автора».

2.2 Смысл как компонента категории «образ автора»

Для описания процесса появления смысла в тексте и методологии его экспликации, следует решить ряд вопросов. Что стоит понимать под смыслом? Какой структурой он обладает? И где зарождается: в сознании, языке, речи?

Смысл представляет собой один из аспектов содержательной стороны текста и находится в корреляции с другим не менее важным ее элементом – значением. Данный факт обуславливает необходимость изучения сущности и строения смысла в связке с анализом значения.

Вопрос о разграничении названных явлений поднимался еще в XIX веке. А. А. Потенция в своей работе «Из записок о русской грамматике», писал о существовании ближайшего (формального) значения, позволяющего говорящему и слушающему понимать друг друга, являющегося народным, и противопоставленного дальнейшему значению, которое, по словам ученого, является индивидуальным [25, С. 20].

В 1934 году Л. С. Выготский для подобного противопоставления уже использует термины «значение» и «смысл» [11, С. 311-314]. Вслед за Ф. Поланом исследователь определяет смысл как «совокупность всех психологических фактов, возникающих в нашем сознании благодаря слову» и характеризует его как сложное и динамичное явление, состоящее из нескольких зон, наиболее устойчивой из которых является значение [11, С. 311]. Однако устойчивость значений не свидетельствует об их полной константности. По мнению Л. С. Выготского, «слово, взятое в отдельности в лексиконе, имеет только одно значение. Но это же значение есть не более как потенция, реализующаяся в живой речи...» [11, С. 311]. Динамичность значения обусловлена работой смысла, которым слово обогащается в каждом конкретном контексте [11, С. 312].

О способности значения к изменениям и развитию писали и другие исследователи. Ю. Н. Тынянов и М. В. Никитин объясняют ее самой структурой значения [32], [22].

Какова же эта структура? С точки зрения традиционной лингвистики она представляет собой иерархическую систему, включающую исходное номинативно-непроизводное значение и ряд неисходных, вторичных: номинативно-производное, метафорическое и символическое [30]. В концепциях Ю. Н. Тынянова и М. В. Никитина все описанное выше – лишь наиболее устойчивая часть значения, которую окружает подвижная периферия [32], [22]. Так, Ю. Н. Тынянов выделяет постоянные и колеблющиеся признаки лексического значения, при этом исследователь пишет, что в отдельных контекстах колеблющиеся признаки могут полностью вытеснить основной [32, С. 56].

М. В. Никитин для обозначения устойчивой и подвижной части значения использует термины «интенционал» и «импликационал» [22, С. 60]. Кроме того, ученый указывает не только на динамичность импликационала, но и на присутствие в нем субъективных компонентов, по его мнению, значение, как и смысл, окрашено индивидуально-личным сознанием воспринимающего и говорящего, в процессе общения люди обмениваются не готовыми значениями, а метафорами [22, С. 38].

Объясняют такое строение значения, структуры сознания, в которых значения хранятся, и аспекты развития понятий (М. В. Никитин считает, что значение – это разновидность понятия, связанная знаком). Ученый выделяет две структуры сознания: когнитивную и прагматическую [22, С. 20]. Первая включает всесторонние знания о мире и формирует конструктивно-логический аспект понятия, содержащий внесубъектную оценку действительности и общезыковую соотнесенность понятия с денотатом/референтом и сигнификатом [22, С. 20, 50]. Вторая отражает субъективную установку индивида и способствует появлению индивидуально-эмпирического аспекта понятия [22, С. 20, 50]. В данном аспекте понятие обладает изменчивым и подвижным содержанием, при этом «какой-либо признак характеризуется не столько вхождением/невхождением в содержание понятия, сколько степенью вероятности, с какой ожидают его наличия или отсутствия у вещей данного класса» [22, С. 50].

Однако, несмотря на сложность своей структуры, значение, согласно исследованию Ю. Н. Тынянова, все же обладает единством, то есть слово, употребленное в речи в конкретном значении, сохраняет связь с другими своими значениями, не реализованными в данном контексте, но потенциально ему присущими [32, С. 49-51].

Таким образом, можно говорить о взаимодействии смысла и значения. С одной стороны, наличие в структуре значения подвижной части (колеблющихся признаков, импликационала) выступает в качестве одного из условий возникновения в речи дополнительных смыслов. С другой – обогащение языковых единиц смыслами, впитанными из контекстов употребления, способствует расширению их значений.

Но где же названные категории локализируются: в концептуальных системах, языке или речи? С. Н. Переволочанская пишет о существовании в современной лингвистике нескольких точек зрения на этот счет. Сторонники первой (Г. П. Мельников, А. Н. Леонтьев, Э. Д. Сулейменова, В. Г. Колшанский, С. А. Васильев, И. А. Зимняя) оценивают смысл как речевую категорию, обусловленную контекстом. И. М. Кобозева считает, что смысл и значение – языковые категории, но значение инвариантно, а смысл вариативен. Третий взгляд на проблему раскрывается в концепции Г. П. Мельникова, согласно его исследованиям, существуют «абстрактный социально значимый смысл, который заготавливается заранее (до речевого общения) и лишь воспроизводится всеми по памяти» и «ситуативные конкретные смыслы, которые творчески создаются в момент номинации говорящими». По мнению В. А. Звегинцева и А. Г. Волкова, значение – языковая категория, а смысл – внеязыковая [23, С. 1587].

Сама же С. Н. Переволочанская считает, что «область залегания смысла – и языковая, и речевая, и ментальная сферы», перемещаясь по ним, смысл меняет свой онтологический статус [23, С. 1588]. Изначальная точка возникновения смысловой перспективы – концептуальные системы, в которых реализуется протOVERбальный смысл, лишенный формы и ищущий ее, чтобы быть выраженным в речи [23, С. 1595]. ПротOVERбальный смысл стремится войти в речевую стихию, куда попадает через «горнило языковой «десоциализации»» [23, С. 1594]. Сопоставляя статус смысла в языке и речи, стоит сказать, что в языке смысл реализуется только как возможность, явно он не представлен [23, С. 1592], но уже содержится в импликационале значения, который в языке остается в тени [23, С. 1593].

«В речи происходит смена фокуса внимания: имплицитный компонент приобретает особую важность, будучи скрытым в языковом плане в виде импликационной ауры, в речевом аспекте он выступает как развернутое содержание, проявляющееся в приращении имплицитного смысла, рождающегося из цепочки импликаций» [23, С. 1593].

Ввиду связи смысла с ментальной сферой успешность их декодирования в речи, по мнению Н. Н. Болдырева, зависит от нескольких аспектов концептуального взаимодействия. Для адекватной экспликации смыслов, закладываемых автором, необходимо иметь представление о структуре и содержании его концептуальной системы, о том, в какой лингвокультурной общности он формировался и какие коллективные знания отразились в его картине мира, а также какие принципы, механизмы и когнитивные контексты он использует в процессе формирования смысла [8, С. 7].

Все это говорит о необходимости реконструкции языковой личности писателя в процессе анализа образа автора, отраженного в его текстах, и в процессе экспликации смыслов, выражаемых им.

Важность анализа языковой картины мира субъекта, создающего текст, при декодировании передаваемых им смыслов связана еще и с тем фактом, что «за каждым словом в том или ином социуме, в той или иной языковой культуре стоят когнитивные контексты, содержание которых во многом отмечено социокультурной и национально-культурной спецификой, в том числе на уровне основного лексического фонда» [8, С. 6].

Эти «когнитивные контексты» участвуют в формировании прагматического компонента значения слова, который содержит сведения о месте лексемы в системе культурно-языковой традиции и складывается под воздействием опыта словоупотребления. Формирование и развитие прагматического компонента значения происходит под влиянием возможных эмоциональных реакций адресатов, зафиксированных памятью говорящего, и в результате действия условий и последствий использования лексемы [27, С. 185].

Ю. Н. Тынянов писал на этот счет следующее: «Каждая речевая среда... обладает ассимилятивной силой, которая заставляет слово нести те, а не иные функции и окрашивает их тоном деятельности» [32, С. 58]. Прагматика слова – отдельный компонент значения, а не часть коннотации, она в отличие от коннотативного элемента, характеризует не объект номинации, а уместность/неуместность; возможность/невозможность; желательность/нежелательность использования данного знака в данной ситуации [27, С. 187].

Обобщая все выше сказанное, можно сделать вывод, что один из факторов появления смысла в речи – взаимодействие интенционала и импликационала языкового значения, которые в речи реализуются в эксплицитном и имплицитном содержании высказывания. Вопрос о границе между эксплицитным и имплицитным решается учеными по-разному. Так, Д. С. Тажигаева и А. П. Баимбетова пишут, что лингвистическая составляющая речи – эксплицитна, а экстралингвистическая – имплицитна [31]. М. В. Никитин, разграничивая названные компоненты содержания речи, к эксплицитному элементу, наряду с кодифицированными (словарными) значениями языковых единиц и результирующими значениями комбинаций языковых единиц, относит кодифицированные значения **невербальных** знаковых средств, узуальные значения **паралингвистических** средств и **семиоимпликационные значения** высказываний (текстов) на первом шаге импликаций [22, С. 143].

Объединяя существующие точки зрения на определения имплицитного компонента речи и его соотношения с эксплицитным, можно заключить, что имплицитное содержание – это содержание, невоплощенное прямо в узуальных значениях языковых единиц и не имеющее специальных средств вербализации, но извлекаемое из контекста при его восприятии [15, С. 37]. Имплицитные приращения, присоединяясь в речи к эксплицитным и взаимодействуя с ними, образуют общий коммуникативный смысл [31]. Выявление имплицитного смысла – это результат такого осмысления текста, при котором участник коммуникации осознает некую семантическую неполноту услышанного или прочитанного и стремиться ее восполнить через поиск подходящей интерпретации на основе своих знаний [31].

Каковы же причины и механизмы появления имплицитных смыслов? М. В. Никитин выделяет шесть групп источников возникновения имплицитности, связанных со структурой языкового значения, восстановлением редуцированного смысла при компрессии языковых структур в речи, логическими операциями при восстановлении семантических пропусков, конфликтом эксплицитного знакового значения со значимым фоном речи и т.д. [22, С. 144-157]. К. А. Долинин, отвечает на вопрос о причинах возникновения имплицитного смысла следующим образом: «Получатель сам приписывает его, извлекая его элементы из своих фоновых знаний» [15, С. 38].

Для того чтобы декодирование имплицитного смысла было возможным необходимо, чтобы в высказывании содержались средства, свидетельствующие о его присутствии в контексте. А. П. Баимбетова делит сигналы имплицитности на две группы: индикаторы (указывают на наличие имплицитного смысла) и идентификаторы (задают верный вектор его декодирования) [15, С. 39], [2 С. 19].

Первые связаны с нарушением параметров коммуникативной ситуации, максим Грайса или норм языка [15, С. 39], [2 С. 19]. Чаще всего в художественном тексте в качестве индикаторов имплицитного смысла выступают средства композиционно-речевого характера. А роль идентификаторов обычно играет контекст произведения и фоновые знания, необходимые для восприятия того или иного смысла [1, С. 200].

Особенно важны фоновые знание при интертекстуальной сложности контекста, вызванной связью анализируемого контекста с предтекстом (предшествующей, «левой» частью текста) и пре-текстом (другим текстом) [20, С. 55]. Кроме того, имплицитный смысл может быть эксплицитован с применением методики построения семантического поля [9] и компонентного анализа [21, С. 61-69].

Заключение

Итак, образ автора – это текстообразующая категория, через которую отражается авторское «потенциальное», связанное с мировоззрением создающего субъекта, находящееся в постоянном движении и диалоге с культурой и влияющее в воспринимающее сознание, предполагающее множественность интерпретаций.

Анализ данной категории должен включать два уровня: изучение интенционального образа автора и исследование перцептивного образа автора. Интенциональный образ автора может быть выявлен через реконструкцию языковой личности и языковой картины мира субъекта текстопорождения, через анализ категории модальности, выделение ключевых слов, а так же через описание «воображаемого читателя», так как представления о потенциальном адресате влияют на выбор речевых средств.

Для описания перцептивного образа автора необходимо осуществить анализ текстов, содержащих реакцию читателей на произведения автора или отражающих интерпретацию исходного текста. Связующее звено между названными уровнями образа автора – смысл, который закладывается автором и который в процессе интерпретации декодируется читателем.

При этом экспликация имплицитного смысла из анализируемого текста и сопоставление результата с вариантами интерпретаций читателей способствует решению сразу нескольких задач. Во-первых, такое изучение позволяет рассмотреть образ автора в разных аспектах, а во-вторых, сопоставление нескольких интерпретаций одного и того же произведения позволит продвинуться в поисках механизмов появления имплицитных смыслов.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Сообщество рецензентов Международного научно-исследовательского журнала
DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.39.17.1>

Conflict of Interest

None declared.

Review

International Research Journal Reviewers Community
DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.39.17.1>

Список литературы / References

1. Баимбетова А. П. Когнитивный механизм имплицитности / А.П. Баимбетова // Научные исследования XXI века. — 2020. — №1(3). — С. 197-201.
2. Бакланова Е. А. К вопросу о классификации единиц имплицитного уровня текста / Е.А. Бакланова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2011. — № 2 (9). — С. 18-25.
3. Бакланова И. И. Образ автора нехудожественного текста / И.И. Бакланова // Русский язык за рубежом. — М., 2012. — №5 (234). — С. 44-49.
4. Барт Р. Смерть автора / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика: Поэтика / пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. — М.: Прогресс, 1989. — С. 233-236.
5. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин; сост. С. Г. Бочаров, примеч. С. С. Аверинцев и С. Г. Бочаров. — 2-е изд. — М.: Искусство, 1986. — 445 с.
6. Белецкий А. Об одной из очередных задач историко-литературной науки / А. Белецкий // Журнал «Литература». — 2006. — №1. — URL: <https://lit.1sept.ru/article.php?ID=200600117> (дата обращения: 19.12.2022)
7. Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. докт. филол. наук / Г.И. Богин. — Л., 1984. — URL: <https://studfile.net/preview/3299583/> (дата обращения: 19.12.2022)
8. Болдырев Н. Н. Проблемы вербальной коммуникации в когнитивном контексте / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2017. — № 2. — С. 5-14.
9. Буракова О. М. Методика лингвистического описания концепта через построение семантического поля / О.М. Буракова // Веснік МДПУ імя І.П. Шамякіна. — 2007. — №1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-lingvisticheskogo-opisaniya-kontseptu-cherez-postroenie-semanticheskogo-polya> (дата обращения: 19.01.2023)
10. Виноградов В. В. О теории художественной речи / В.В. Виноградов. — М.: Высшая школа, 1971. — 240 с.
11. Выготский Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. — 5-е изд. — М.: Лабиринт, 1999. — 352 с.
12. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. — М.: Наука, 1981. — 115 с.
13. Горелов И.Н. Основы психолингвистики: учебное пособие / И.Н. Горелов, К.Ф. Седов. — 3-е изд. — М.: Лабиринт, 2001. — 304 с.
14. Диалогическая лингвистика: коллективная монография / под науч. ред. Н.Н. Шпильной, отв. ред. М.В. Воронец, Н.И. Тюкаева. / Н.Н. Шпильная. — Барнаул: АлтГПУ, 2019. — 320 с.
15. Долинин К. А. Имплицитное содержание высказывания / К.А. Долинин // Вопросы языкознания. — 1983. — Т. 6. — С. 37-47.
16. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.
17. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. — М.: Наука, 1987. — 263 с.
18. Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. Курс лекций / В.В. Красных. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. — 270 с.
19. Литовская Е. В. Текстовая категория автора в динамическом аспекте (на материале русских кулинарных книг XIX—XXI вв.): дис. канд. филол. наук. / Е.В. Литовская. — Екатеринбург, 2018. — 266 с.
20. Москвин В. П. Интертекстуальность: категориальный аппарат и типология / В.П. Москвин // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — Волгоград: Известия ВГПУ, 2013. — №6 (81). — С. 54-61.
21. Найда Ю. А. Процедуры анализа компонентной структуры референционного значения / Ю.А. Найда // Новое в зарубежной лингвистике. Проблемы и методы лексикографии / ред. Городецкий Б. Ю., сост. Зевахина Т. С. — М.: Прогресс, 1983. — Вып. XIV. — С. 61-74.
22. Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения / М.В. Никитин. — М.: Высшая школа, 1988. — 167 с.
23. Переволочанская С. Н. Концептуальная «оплотненность» смысла / С.Н. Переволочанская // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — Самара: СамНЦ, РАН, 2009 — №4-6. — Т. 11. — С. 1587-1595.
24. Переволочанская С. Н. Образ автора в научном дискурсе: метафоризация как средство формирования научных абстракций / С.Н. Переволочанская // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — Волгоград: ВГПУ, 2019. — № 2 (135). — С. 101-105.
25. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике в 4 т. / А.А. Потебня. — М., 1958-1985. — Т. 1-2. — Акад. наук СССР, Отд-ние лит. и яз., 1958. — 534 с.
26. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. — М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. — 357 с.

27. Прядильникова Н. В. О соотношении коннотативного и прагматического компонентов в структуре лексического значения / Н.В. Прядильникова // Языковая личность – текст - дискурс: теоретические и прикладные аспекты исследования: материалы международной научной конференции: в 2 ч. — Самара: Изд-во «Самарский университет», 2006. — Ч. 2. — С. 185-189.

28. Селимова Л. М. Теория языковой личности. Современное состояние и перспективы исследования / Л.М. Селимова // Вестник Башкирского университета. — Уфа: Башкирский государственный университет, 2012. — Т. 17. — № 3-1. — С. 1514-1518.

29. Скубиева Е. Н. Модель языковой личности как носителя диалогической языковой способности / Е.Н. Скубиева, Н.Н. Шпильная // Филология и человек. — Барнаул: АлтГУ, 2022. — № 1. — С. 37-56

30. Степанова Г. В. Введение в семасиологию русского языка / Г.В. Степанова, А.Н. Шрамм // Зеленая лампа. — 2005. — № 1. — URL: http://jgreenlamp.narod.ru/step_ch2_b.htm (дата обращения: 25.01.2023)

31. Тажибаева Д. С. Источники выявления и интерпретации имплицитных смыслов / Д.С. Тажибаева, А.П. Баимбетова // Universum: филология и искусствоведение: электрон. научн. журн. — 2020. — № 8 (75). — URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/10638> (дата обращения: 26.01.2023).

32. Тынянов Ю. Проблема стихотворного языка / Ю. Тынянов. — Л., 1924. — 139 с.

33. Широкова И. А. Образ автора в художественном произведении: отражение отражаемого / И.А. Широкова // Вестник Челябинского государственного университета. — Челябинск: ФГБОУ ВО «ЧелГУ», 2014. — № 23 (352) — С. 103-106.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Baimbetova A. P. Kognitivnyj mehanizm implicitnosti [The Cognitive Mechanism of Implicitness] / A.P. Baimbetova // Nauchnye issledovaniya XXI veka [Scientific Research of the KhSI of the Century]. — 2020. — №1(3). — P. 197-201 [in Russian]

2. Baklanova E. A. K voprosu o klassifikacii edinic implicitnogo urovnja teksta [On the Issue of Classification of Units of the Implicit Level of the Text] / E.A. Baklanova // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. — Tambov: Gramota, 2011. — № 2 (9). — P. 18-25 [in Russian]

3. Baklanova I. I. Obraz avtora nehudozhestvennogo teksta [The Image of the Author of Non-fiction Text] / I.I. Baklanova // Russkij jazyk za rubezhom [Russian Language Abroad]. — M., 2012. — №5 (234). — P. 44-49 [in Russian]

4. Bart R. Smert' avtora [Author's Death] / R. Bart // Izbrannye raboty: Semiotika: Pojetika [Selected Works: Semiotics: Poetics] / translated from French, compiled, ed. by G.K. Kosikova. — M.: Progress, 1989. — P. 233-236 [in Russian]

5. Bahtin M.M. Jestetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of Verbal Creativity] / M.M. Bahtin; compiled by S. G. Bocharov, commentary by S. S. Averincev i S. G. Bocharov. — 2nd ed. — M.: Iskustvo, 1986. — 445 p. [in Russian]

6. Beleckij A. Ob odnoj iz ocherednyh zadach istoriko-literaturnoj nauki [On one of the Immediate Tasks of Historical and Literary Science] / A. Beleckij // Zhurnal «Literatura» [Journal "Literature"]. — 2006. — №1. — URL: <https://lit.1sept.ru/article.php?ID=200600117> (accessed: 19.12.2022) [in Russian]

7. Bogin G. I. Model' jazykovoj lichnosti v ee otnoshenii k raznovidnostjam tekstov [The Model of Linguistic Personality in Its Relation to the Varieties of Texts]: autoabst. dis. ... of PhD in Philology / G.I. Bogin. — L., 1984. — URL: <https://studfile.net/preview/3299583/> (accessed: 19.12.2022) [in Russian]

8. Boldyrev N. N. Problemy verbal'noj kommunikacii v kognitivnom kontekste [Problems of Verbal Communication in a Cognitive Context] / N.N. Boldyrev // Voprosy kognitivnoj lingvistiki [Questions of Cognitive Linguistics]. — 2017. — № 2. — P. 5-14 [in Russian]

9. Burakova O. M. Metodika lingvisticheskogo opisaniya koncepta cherez postroenie semanticheskogo polja [The Method of Linguistic Description of the Concept through the Construction of a Semantic Field] / O.M. Burakova // Vesnik MDPU imja I.P. Shamjakina [Bulletin of the MDPU named after I.P. Shamyakina]. — 2007. — №1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-lingvisticheskogo-opisaniya-kontsepta-cherez-postroenie-semanticheskogo-polya> (accessed: 19.01.2023) [in Russian]

10. Vinogradov V. V. O teorii hudozhestvennoj rechi [About the Theory of Artistic Speech] / V.V. Vinogradov. — M.: Vysshaja shkola [High school], 1971. — 240 p. [in Russian]

11. Vygotskij L. S. Myshlenie i rech' [Thinking and Speech] / L. S. Vygotskij. — 5th ed. — M.: Labirint, 1999. — 352 p. [in Russian]

12. Gal'perin I. R. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya [Text as an Object of Linguistic Research] / I.R. Gal'perin. — M.: Nauka, 1981. — 115 p. [in Russian]

13. Gorelov I.N. Osnovy psiholingvistiki: uchebnoe posobie [Fundamentals of Psycholinguistics: Study Guide] / I.N. Gorelov, K.F. Sedov. — 3rd ed. — M.: Labirint, 2001. — 304 p. [in Russian]

14. Dialogicheskaja lingvistika: kollektivnaja monografija [Dialogical Linguistics: collective monograph] / scientific ed. by N.N. Shpil'na, ch. ed. M.V. Voronec, N.I. Tjukaeva. / N.N. Shpil'naja. — Barnaul: AltGPU, 2019. — 320 p. [in Russian]

15. Dolinin K. A. Implicitnoe sodержanie vyskazyvaniya [Implicit Content of the Utterance] / K.A. Dolinin // Voprosy jazykoznanija [Questions of Linguistics]. — 1983. — Vol. 6. — P. 37-47 [in Russian]

16. Karasik V. I. Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskursy [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse] / V.I. Karasik. — Volgograd: Peremena, 2002. — 477 p. [in Russian]

17. Karaulov Ju.N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' [Russian Language and Language Personality] / Ju.N. Karaulov. — M.: Nauka, 1987. — 263 p. [in Russian]

18. Krasnyh V. V. Osnovy psiholingvistiki i teorii kommunikacii. Kurs lekcij [Fundamentals of Psycholinguistics and Communication Course of lectures] / V.V. Krasnyh. — M.: ITDGG «Gnozis», 2001. — 270 p. [in Russian]

19. Litovskaja E. V. Tekstovaja kategorija avtora v dinamičeskom aspekte (na materiale russkih kulinarnyh knig XIX—XXI vv.) [The Text Category of the Author in a Dynamic Aspect (based on Russian culinary books of the 19th—21st centuries)]: dis. ... PhD in Philology / E.V. Litovskaja. — Yekaterinburg, 2018. — 266 p. [in Russian]
20. Moskvina V. P. Intertekstual'nost': kategorial'nyj apparat i tipologija [Intertextuality: Categorical Apparatus and Typology] / V.P. Moskvina // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta [News of the Volgograd State Pedagogical University]. — Volgograd: News of VSPU, 2013. — №6 (81). — P. 54-61 [in Russian]
21. Najda Ju. A. Procedury analiza komponentnoj struktury referencionnogo znachenija [New in Foreign Linguistics. Problems and Methods of Lexicography] / Ju.A. Najda // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Problemy i metody leksikografii [New in Foreign Linguistics. Problems and Methods of Lexicography] / ed. by Gorodeckij B. Ju., compiled by Zevahina T. S. — M.: Progress, 1983. — No. XIV. — P. 61-74 [in Russian]
22. Nikitin M. V. Osnovy lingvističeskoj teorii znachenija [Fundamentals of the Linguistic Theory of Meaning] / M.V. Nikitin. — M.: Vysshaja shkola [High school], 1988. — 167 p. [in Russian]
23. Perevolochanskaja S. N. Konceptual'naja «oplotnennost'» smysla [Conceptual "Compactness" of Meaning] / S.N. Perevolochanskaja // Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. — Samara: SamNC, RAN, 2009 — №4-6. — Vol. 11. — P. 1587-1595 [in Russian]
24. Perevolochanskaja S. N. Obraz avtora v nauchnom diskurse: metaforizacija kak sredstvo formirovanija nauchnyh abstrakcij [The Image of the Author in Scientific Discourse: Metaphorization as a Means of Forming Scientific Abstractions] / S.N. Perevolochanskaja // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta [News of the Volgograd State Pedagogical University]. — Volgograd: VSPU, 2019. — № 2 (135). — P. 101-105 [in Russian]
25. Potebnaja A.A. Iz zapisok po russkoj grammatike [From Notes on Russian Grammar] in 4 vol. / A.A. Potebnaja. — M., 1958-1985. — Vol. 1-2. — Akad. nauk SSSR, Otd-nie lit. i jaz., 1958. — 534 p. [in Russian]
26. Pojetika: slovar' aktual'nyh terminov i ponjatij [Poetics: a Dictionary of Current Terms and Concepts] /ch. scientific ed. N. D. Tamarchenko. — M.: Publishing house Kulagina; Intrada, 2008. — 357 p. [in Russian]
27. Prjadil'nikova N. V. O sootnoshenii konnotativnogo i pragmatičeskogo komponentov v strukture leksičeskogo znachenija [On the Correlation of Connotative and Pragmatic Components in the Structure of Lexical Meaning] / N.V. Prjadil'nikova // Jazykovaja ličnost' – tekst - diskurs: teoreticheskie i prikladnye aspekty issledovanija: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Linguistic Personality - Text - Discourse: Theoretical and Applied Aspects of the Study: materials of the International Scientific Conference]: in 2 parts. — Samara: Samara University Publishing, 2006. — Part 2. — P. 185-189 [in Russian]
28. Selimova L. M. Teorija jazykovoj ličnosti. Sovremennoe sostojanie i perspektivy issledovanija [Theory of Linguistic Personality. Current State and Research Prospects] / L.M. Selimova // Vestnik Bashkirskogo universiteta [Bulletin of the Bashkir University]. — Ufa: Bashkir State University, 2012. — Vol. 17. — № 3-1. — P. 1514-1518 [in Russian]
29. Skubieva E. N. Model' jazykovoj ličnosti kak nositelja dialogičeskoj jazykovoj sposobnosti [The Model of Linguistic Personality as a Carrier of Dialogical Language Ability] / E.N. Skubieva, N.N. Shpil'naja // Filologija i čelovek [Philology and Man]. — Barnaul: AltSU, 2022. — № 1. — P. 37-56 [in Russian]
30. Stepanova G. V. Vvedenie v semasiologiju russkogo jazyka [Introduction to the Semasiology of the Russian Language] / G.V. Stepanova, A.N. Shramm // Zelenaja lampa [Green Lamp]. — 2005. — № 1. — URL: http://jgreenlamp.narod.ru/step_ch2_b.htm (accessed: 25.01.2023) [in Russian]
31. Tazhibaeva D. S. Istočniki vyjavlenija i interpretacii implicitnyh smyslov [Sources for Identifying and Interpreting Implicit Meanings] / D.S. Tazhibaeva, A.P. Baimbetova // Universum: filologija i iskusstvovedenie: jelektron. nauchn. Zhurn [Universum: Philology and Art Criticism: Electronic Science Magazine]. — 2020. — № 8 (75). — URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/10638> (accessed: 26.01.2023) [in Russian]
32. Tynjanov Ju. Problema stihotvornogo jazyka [The Problem of Poetic Language] / Ju. Tynjanov. — L., 1924. — 139 p. [in Russian]
33. Širokova I. A. Obraz avtora v hudozhestvennom proizvedenii: otrazhenie otrazhaemogo [The Image of the Author in a Work of Art: Reflection of the Reflected] / I.A. Širokova // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University]. — Cheljabinsk: FGBOU VO «ChelGU», 2014. — № 23 (352) — P. 103-106 [in Russian]